

СОДЕРЖАНИЕ

РОЗОВЫЙ КЛУБЕНЬ	7
ЗАПЛЫВ	15
ДЫРА	24
ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА	41
ВАТНИК	55
КОРОЛЬ, САПОЖНИК, ПОРТНОЙ	78
УТРО СНАЙПЕРА	92
ДАЧА	107
ПАДЁЖ	167
ЛЕТУЧКА	222
СТИХИ И ПЕСНИ	
<i>В дороге</i>	245
<i>Искупление</i>	247
<i>Самородок</i>	249
<i>Рожок</i>	250

<i>В память о встрече</i>	252
<i>В сердце солдатском</i>	255
<i>Степные причалы</i>	256
<i>Сигнал из провинции</i>	257
<i>Незабываемое</i>	261
<i>Памятник</i>	262
<i>Из вечерней</i>	263
<i>Морячка</i>	265
<i>Ночное заседание</i>	268
<i>Тепло</i>	270
<i>Осень</i>	271
<i>Зерно</i>	273
<i>Весеннее настроение</i>	274
<i>Свет юности</i>	276
<i>Одинокая гармонь</i>	277
<i>Саженцы</i>	279
<i>Случайный вальс</i>	281
<i>Жена испытателя</i>	283

• РОЗОВЫЙ КЛУБЕНЬ •

В четверг Анна узнала, что беременна, и, придя вечером с работы, не стала готовить ужин, а села за крохотный кухонный столик, положила свои худые руки на новую клеёнку и оцепенело уставилась на них.

Николай вернулся как обычно — в девять.

Анна слушала, как он раздевается в узком, плотно заставленном коридоре. Потом подошла к нему, обхватив руками его жирную от въевшейся солярки шею, прижалась, замерла:

— Коля, я не могу больше. Мы должны сделать это.

Николай вздохнул и осторожно коснулся губами её светлых жиденьких волос:

— Всё будет хорошо. Не бойся.

Её руки, словно две бледные змейки, поползли по угловатым плечам мужа:

— Что ты успокаиваешь меня? Ты читал вчерашнюю “Истину”?

— Да, конечно.

— Чего же ты ждешь? Пока за нами придут? Или объявят нас “плюющими против ветра”?

— Да нет, просто думаю.

Анна отвернулась:

— Думаешь... А Он — по-прежнему на подоконнике. И все видят Его.

— Не волнуйся. Сегодня мы это сделаем. Обязательно.

Сумерки слепили город в неровную, пестрящую огнями плоскость, подпирающую полоску вечернего неба. Сжатое городом и облупившейся рамой окна, небо быстро темнело, наливаясь сырою мглой. Чем темнее оно становилось, тем резче и отчетливей влипал Его профиль в хмурую плоскость города.

Николай давно заметил это свойство Его шишковатой, бледно-розовой плоти — светлеть на фоне сгущающейся тьмы.

Двенадцать лет назад, когда из чёрной почвы, сжатой серебряным, похожим на огромную рюмку горшком, пробился крохотный розоватый клубень, Николай удивился тому, как быстро он посветлел с наступлением сумерек.

В тот вечер семья праздновала День Первых Выходов, гости не помещались за столом, и пришлось придвинуть комод. Николай помнил, как, погасив свет, слушали Гимн, как покойный отец говорил Главный Тост, как пили вино и по очереди вытряхивали капли из рюмок на чёрную, жирно удобренную землю.

— Расти на радость нам, на смерть врагам! — Отец опрокинул свою рюмку третьим, вслед за двумя толстыми представителями УСА (Управления Селекционной Агитации) и, быстро наклонившись, поцеловал клубень...

Через три года Он вырос на тридцать сантиметров, и в узловатом, словно вытянутая картофелина, теле Николай впервые различил осанку Вождя. Утром он сказал об этом матери. Она засмеялась, повалила Николая на кровать:

— Глупенький! Мы это и раньше заметили.

И таинственно добавила:

— Скоро и не то увидишь!

И действительно, не прошло и года, как верхняя часть бесформенного на первый взгляд клубня округлилась, низ расширился, а с боков вылезли два покатых выступа.

Тогда отец снова собрал гостей, надрезал себе правую руку, помазал кровью макушку клубня и провозгласил День Формирования.

Через два года клубень вырос ещё на десять сантиметров, розовая голова ещё больше округлилась, обозначилась толстая шея, плечи раздались вширь, а на шишковатой талии вспух живот.

— Это чудо селекции, сынок! — восхищённо говорил отец, теребя рано поседевшую бородку. — Такое мог придумать только наш народ-чудотворец! Ты только представь — живой Отец Великой Страны! На подоконнике каждой семьи, в каждом доме, в каждом уголке нашего бескрайнего государства!

Вскоре из круглой головы вылез мясистый нос, затем двумя припухлостями обозначились брови, подбородок выдвинулся вперёд, с боков показались уши. Тело Его, по пояс ушедшее в черноту, расширилось и окрепло. Случайные рытвины и бородавки постепенно исчезли, шишковатости сгладились.

Ещё через год на розовом лице появились губы, брови величественно нахмурились, сдавили переносицу, лоб округлился, над ним вспух уступ короткого чуба. Шею стянул тугой воротничок кителя, живот прочнее укоренился в земле.

Николай уже оканчивал школу, когда на щеках Вождя проступили ямочки, обозначились ушные раковины, а на плотно сидящем кителе — лёгкие складки.

Через два года умер отец.

А ещё через год праздновали День Прозрения — подушки пухлых век раздвинули два тёмных шарика. Вести праздник пришлось Николаю. Он напудрил своё лицо и спел Песню собравшимся гостям. Мать вылила в горшок с Вождём стакан заранее накопленной семейной слюны. С этого дня Его кормили только слюной. Каждый двенадцатый день Николай отдавал Ему свою сперму.

Когда на кителе проступили кирпичики орденских планок, а из правого кармана вылез кончик ручки — настал День Завершения Роста. Его праздновали уже без матери.

Вскоре Николай женился на Анне и пошёл работать на завод.

Анна с первых дней стала заботливо ухаживать за Ним — каждое утро стирала пыль, поливала слюной, рыхлила чернозём и до блеска начищала серебряный горшок.

Так длилось почти два года.

Но двенадцатым июньским утром разнеслась по Стране страшная весть — Великий Вождь скончался.

Две недели никто не работал — все оцепенело сидели по домам. Через две недели, похоронив усопшего, новый Вождь торжественно принял Руль. В отличие от прежнего новый был высоким и худым. Он произносил речи, писал обращения и воззвания к народу. Но в них ни слова не упоминалось о прежнем Вожде, продержавшем Руль 47 лет. Это пугало людей. Некоторые сходили с ума, некоторые, обняв горшки с клубнями, выбрасывались из окон.

Через месяц новый Вождь выступил с обращением к народу, где упомянул “бывшего у Руля, но выбывшего по причине необходимых, но достаточных причин”.

Как ни пытались Николай с Анной понять скрытый смысл этого высказывания — он ускользал от них. Народ понял это двояко и немедленно поплатился: убравшие клубни с подоконников были тут же арестованы, а оставившие — предупреждены. Николая с Анной почему-то забыли — им не пришла красная кар-

точка предупреждения с изображением человека, плюющего против ветра. Но это угнетало супругов, а не радовало.

Так в неведении и напряжении миновало полтора месяца. Соседей продолжали арестовывать и предупреждать. Вскоре вышел указ о запрещении самоубийств. Самоубийства прекратились...

Николай не заметил, как сзади подошла Анна. Руки её коснулись его плеч:

— Ты боишься, Коля?

Николай обернулся:

— Чего нам бояться? Мы имеем право. Мы же честные люди.

— Мы честные люди, Коля. Будем начинать?

Николай кивнул. Анна погасила свет.

Николай взял нож, нащупал талию клубня и, сдерживая дрожь жилистых рук, полоснул по ней. Тело Его оказалось твёрже картофеля. Клубень слабо потрескивал под ножом. Когда Николай срезал Его, Анна подхватила, бережно перенесла в темноте, словно ребёнка, на стол. Николай достал восьмилитровую стеклянную банку с широкой горловиной. Анна зажгла плиту, набрала ведро воды, поставила греться.

В темноте они сидели, озаряемые слабым газовым пламенем, уставившись на лежащего. И Николаю, и Анне казалось, что Он шевелится. Когда вода закипела, Анна остудила её на балконе, отлила в банку, добавила соли, уксуса, лавро-

вого листа и гвоздики. Потом осторожно опустила Его в банку. Потеснив исходящую паром воду, Он закачался, словно желая вылезти из банки. Но Николай металлической крышкой прижал его макушку, схватил машинку, стал быстро и споровисто закатывать банку.

Когда всё было закончено, супруги подняли банку и осторожно водрузили на подоконник — на то же самое место. Анна осторожно обтёрла тёплую банку полотенцем. Николай, чуть помедлив, включил свет. Банка стояла, поблёскивая стеклянными боками. А Он еле заметно покачивался в воде, окружённый редкими лавровыми листьями.

— Красиво... — произнесла Анна после долгой паузы.

— Да... — вздохнул Николай.

Он обнял жену и осторожно положил ей руку на живот. Анна улыбнулась и накрыла его руку своими бледными руками.

На следующее утро, встав, как обычно, на полчаса раньше мужа, Анна прошла на кухню, включила плиту и поставила греться чайник. После этого полагалось полить Его собранной за день слюной. Сонно почёсываясь, Анна автоматически взяла слюнный стакан, стоящий на этажерке, и замерла: стакан был пуст. Анна перевела взгляд на подоконник, увидела банку с клубнем и облегчённо вздохнула, вспомнив вчерашнюю операцию. Подошла, положила руки на банку. Глянула в окно.